

За рубежом. — 1996 — 3-9 марта. — с. 15

Парижские тайны Жана Маре

Я вообще занимался многими вещами. Моя задача была в том, чтобы по воздуху доставлять в Германию турецких рабочих. Машины должны были летать, а «Эр Франс» постоянно отказывала мне в разрешении создать частную компанию. Если бы я получил заказ на перевозку рыбы, я бы отправил по воздуху и ее.

— Что вы думаете о предстоящих президентских выборах?

— В любом случае я выбираю правых, а кого — увидим.

— Либеральные правые? В Германии вас считают сторонником Жана-Мари Ле Пена. Он ведь ваш друг?

— Да, у меня есть друзья, исповедующие крайне правые взгляды, и числу моих друзей относятся также некоторые известные полицейские и некоторые преступники. Ле Пен я знал еще до того, как он стал известен, поэтому и теперь я не поворачиваюсь к нему спиной. К моим несомненным достоинствам относится верность друзьям.

— У вас много друзей?

— «Если у тебя есть один друг, то ты уже богатый человек», — говаривал мой отец. Я считаю себя богатым, потому что у меня два или даже три друга. Иметь больше едва ли возможно. Это вопрос личности и менталитета.

— Что вы хотите этим сказать?

— Похожее понимание вещей и всего мира, мужское взаимопонимание, исключение всех других лиц. Почти что ощущение клана. Я всегда был таким, еще перед армией.

— Семнадцатилетним вы на четыре года добровольно отправились в Индокитай. Какой опыт вы там приобрели?

— Тогда ужасный, но я так хотел.

— Вы никогда не упрекали родителей, что они этому не помешали?

— Упрекал, причем всю мою жизнь. Ведь тогда я был несовершеннолетним и нуждался в их согласии.

— Без этих четырех лет в Индокитае ваша жизнь сложилась бы иначе?

— Конечно. Армии я обязан всем. Поэтому часто оказываюсь в конфликтных ситуациях, создающих впечатление, что я все усложняю.

— Сейчас вы живете с Розали ван Бремец, женщиной намного моложе вас, матерью двух ваших детей?

— Когда-нибудь она перестанет быть молодой, а меня вообще не будет на свете. Со временем не борются. Что важно — так это дети. Главнее продержаться, пока им не исполнится по 20 лет. А что будет потом, мне все равно.

— Что произойдет, если вам сегодня предложат интересную роль?

— Меня интересует не роль сама по себе, а нечто иное. Режиссеры, которых я любил, уже умерли. Играть в театре у меня нет желания. Хотя бы уже потому, что в воскресенье пришлось бы находиться на сцене... Если я на самом деле захочу перейти на подмостки, я возьму театр в аренду и буду играть что хочу и с кем хочу.

— Восхищает ли вас сегодня кто-нибудь в кино?

— Некоторых я уважаю, но восхищаться? С нынешними электронными трюками я вообще не хочу иметь дела. Конечно, такой фильм, как «Форрест Гамп», технически сенсационен, — например, когда Том Хэнкс пожимает руку Кеннеди. Но если это всего лишь электронные трюки, люди больше не верят.

Что значит для французского, да и мирового кино Жан Маре? Вся французская классика ассоциируется у зрителя с образом этого великолепно актера, ведь он снимался и в «Графе Монте-Кристо», и в «Капитане Фракассе», и в «Железной маске», и в «Парижских тайнах». Обожал «костюмные» фильмы, сыграл в режиссура Андре Юнебеля в лентах «Капитан», «Горбун», «Чудо волков». А потом он сыграл в «Фантомасе» этого зеленоглазого злодея. Дублеров не признавал, и во время съемок вся группа молила Бога, чтобы Маре не свернул себе шею.

Несколько лет Жан Маре уже не снимается. Сегодня ему 82 года, и он не любит говорить о своей славе. А ведь великий Пабло Пикассо удивлялся, почему столь талантливый живописец тратит время на какие-то съемки. И тем не менее именно кинематограф, а не живопись и скульптура, принес Маре всемирную славу. Хотя начинал он... Вот что он сам говорит по этому поводу:

«Я

ТРИЖДЫ пытался поступить в драматическую студию при Парижской консерватории и трижды с треском проваливался. Единственное мое достоинство — это упрямство. Меня никто не брал сниматься, пока директор одного театра Шарль Дюллен, которого я, видимо, просто «достал», выпустил меня на сцену сразу в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Я играл там участника ритуального бега, каковых в трагедии было человек 20, и у всех ни единого слова текста. Но потом случилось чудо! На всемирной Парижской выставке 1937 года ставилась трилогия Жана Кокто. Мне дали там маленькую рольку, но на генеральную репетицию пожаловал сам Кокто, посмотрел и решительно заявил, что главного героя должен играть «вон тот 23-летний парень», указав на меня. А с Кокто не спорили.

Кокто — мой добрый ангел, благодетель и поволырь. Его уже нет в живых, но ежедневно по французскому радио или телевидению звучит его имя, и в этом мое счастье. Мы же умираем не в момент смерти, а когда нас перестают вспоминать. Самый

Жан Маре с бюстом Жана Кокто.

Фото «Экспресс», Париж.

большой грех для меня — забыть своего Учителя. В те далекие годы Кокто стал писать для меня. И чудо! Все мои недостатки в его руках превращались в достоинства. Другой режиссер давно бы плюнул, а Кокто терпеливо превращал меня в «звезду».

Ныне я, конечно, понимаю, что я «великий Жан Маре». Ведь зрителю нужны любимцы. Особенно если тому за восемьдесят, а он подвижен, порывист, под гримом вроде бы еще неплохо смотрится и о многом напоминает. Конечно, я устал. Это естественно, но я не хочу на покой. Ну, скажите, вы знаете старого актера, стремящегося на покой? Нам же всегда кажется, что мы просто незаменимы. Хотя храбрись не храбрись, но девятый десяток он и есть девятый десяток. Но я по-прежнему занимаюсь спортом, даже боксом, верите? Тут я не рисуюсь. Нам столько лет, на сколько мы себя чувствуем. Другое дело на экране — если крупный план, то там никого не обманешь. В свои преклонные годы я так же романтичен и, возможно, все так же неглубок — и, может быть, в этой поверх-

ности мое кинематографическое счастье. Ведь в фильмах прекрасных режиссеров я, как правило, терпел фиаско, зато у посредственных сил в ореоле «мастерства».

Я очень люблю рисовать и лепить, занимаюсь этим в последнее время постоянно, хотя показываю свою «живопись» только близким друзьям, преимущественно тем, кто в живописи или в скульптуре не разбирается. Дома у меня коллекция керамики, оружия различных эпох, всего, что дарит мне радость. Но я не скуп, иногда я охотно все это раздариваю. У меня есть квартира на Монмартре, но она мне изрядно надоела, хочется чего-то сельского и поэтического.

Ни за что не догадаетесь, какие планы я сегодня лелею. Я ищу режиссера, который поставит пьесу Кокто «Рыцари Круглого стола». Думаю, это прекрасное дело зачтется мне перед Богом. А впрочем, никогда не верьте тому, что рассказал о себе актер. Две трети сказанного он только что придумал. Просто в данную минуту у него было такое настроение.

(По материалам «Дейли экспресс», Лондон; «Интернэшнл геральд трибюн», Париж.)

Маре Жан

3.3.96.